

литературе предыдущих веков; оно может быть соотнесено с преувеличенным значением каждого момента жизни у Ливания в его сочинении «О моей судьбе»³⁴. Как и Ливаний, Влеммид в первой части автобиографии занят исключительно своей личностью. Он подробно рассказывает о детстве, друзьях юности, первом любовном увлечении и горьком разочаровании в предмете своей страсти, постоянном интересе к наукам и годах обучения в Скамандре, Нимфее и Никее, обращает внимание читателя на те эпизоды из жизни, которые могли окончиться трагически: плавание в шторм, нападение пиратов, спасение от рухнувшей на него в доме колонны (Ibid. P. 71—72). Благодаря вере в Бога Влеммид остался невредимым, когда разбойник ударил его кинжалом в живот, а поднявших на него руку злодеев Господь предал жалкой смерти.

Светское поэтическое творчество никейских писателей не получило столь большого развития, как другие жанры литературы. Стихотворные произведения Никифора Влеммида и Георгия Акрополита, написанные чаще всего «на случай», которым могли быть рождение или смерть члена императорской семьи, постройка новой церкви и монастыря, ничем не отличались от среднего уровня стихотворений придворной поэзии. Лишь два произведения этого жанра резко выделяются на фоне остальных стихов: элегия Акрополита на смерть императрицы Ирины в 1241 г. (*Acrop.* II. P. 3—6) и эпиграммой хартофилака Николая Ириника (биография и точные даты его жизни неизвестны), написанный политическим стихом по случаю бракосочетания Иоанна III Ватаца с дочерью Фридриха II Гогенштауфена Анной в 1244 г.³⁵

В элегии Акрополит говорит от лица царицы. Она приглашает путника взглянуть на свою могилу, в которой покоятся ненужные теперь для человека слава, знатность и величие. Далее следует рассказ о жизни Ирины, ее счастливом браке с Иоанном:

*Во цвете лет девических судьба дала
Мне разделить и ложе, и владычество
С таким супругом! Стать его державная
Изобличала явно благородства блеск,
Ведь был он Дукой, мужем крови царственной!..
И с ним я сочеталась, с юным юная,
И по любви взаимной с ним в одно слилась.
Связало нас законное супружество,
Но крепче страсть связала обоюдная:
Супружество смесило нас в едину плоть,
Любовь же душу нам дала единую.
Да, я любила крепко, он — еще сильнее,
Да, я дарила радость и брала ее!
Он был мне дорог, как очей сиянье.
Но я ему дороже, чем сиянье глаз,—
Усладой духа, сердца подкреплением!..*

(Пер. С. С. Аверинцева. Памятники. IX—XIV вв. С. 329—330).

В этом придворном стихотворении, написанном двенадцатисложником, столько свежести и искреннего чувства, что трудно представить, что оно вышло из-под пера хрониста. Действительно, в нем «открывается такая прочувствованность и человечность, какую нелегко отыскать в светской византийской поэзии»³⁶.

Другое произведение — эпиграммой Николая Ириника — свидетельствует также о таланте автора. Придворный поэт, по-видимому, хорошо знал и любил народные песни, в том числе и свадебные. Он широко использует их поэтический арсенал: образы-аллегории жениха и невесты, повторы (в каждой строфе первые и последние две строчки повторялись), сравнения и метафоры:

*Зеленый вьется плющ молодой вокруг пальмы благородной;
Тот плющ — мой царь и государь, моя царица — пальма.
Сегодня только начал плющ вокруг пальмы стройной виться,
Увидит завтра стар и млад, какой любовью любит
Невесту милую жених, как пылко обнимает,*

³⁴ История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 257—258.

³⁵ Heisenberg A. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit // SBAW. Philos.-Philol. Klasse. München, 1920. Abt. 10. S. 100—105.

³⁶ История Византии. Т. 3. С. 259.